

Вахштайн В.С.

Метафоры города и метафорика городских исследований: самописание vs. метаписание¹

Аннотация: Современные города бесконечно гетерогенны и изменчивы. Культурологи, психологи и социологи оспаривают друг у друга право говорить об этой изменчивости на языке своей науки так, как если бы это был язык самого города. Возможно именно поэтому разговоры о «городской культуре», «социальной структуре города» и «городской повседневности» не покидают поля теоретического обсуждения в междисциплинарных областях. В точке сборки этих дисциплин находится сам объект. Возможно ли в такой ситуации «дисциплинарного аутизма» какое-то теоретическое высказывание, сделанное на языке социологии, но релевантное языкам смежных наук? Что выступает в качестве «кросс-дисциплинарного моста», по которому поверх дисциплинарных границ между социологией, психологией и культурологией может быть организована доставка собственно теоретического содержания? Мы полагаем, что таким «мостом» является метафора. Данная статья посвящена анализу соотношения двух типов метафор: в само- и мета-описаниях, в городских идеологиях и исследованиях города. Исследование основывается на методологии IPA (интерпретативный политический анализ), фрейм-анализе и анализе метафорических оснований социологической концептуализации. Метафоры могут находиться в отношениях когерентности (согласованности) и консистентности (совместимости). Например, «Наша страна – уютное судно в океане мировой политики» и «Наша страна – поезд на запасном пути истории» суть когерентные, т.е. согласованные с более общим концептом «средство передвижения», но не консистентные, т.е. не образующие единого образа, метафоры. Напротив, метафорические конструкции «Наша страна – судно» и «Партия – наш рулевой» суть консистентны, но не когерентны. Применительно к нашей проблематике это означает, что эпистемические метафоры (самоописания исследователя) и теоретические метафоры (метаописания объекта) более консистентны, чем метаописания объекта и его самоописания. Отношения метафор в треугольнике «Самописание познания – Метаписание объекта – Самописание объекта» суть отношения контингенции; между ними нет никакого взаимно однозначного соответствия. Этот вывод позволяет нам решить «проблему Анкерсмита». Если Ф.Р. Анкерсмит прав, то две ключевые операции исследовательского разума – проблематизация и концептуализация – противоположны друг другу. Концептуализация (основанная на метафорических механизмах мышления) есть представление «незнакомое знакомым», вписывание объекта в существующую систему различий. Проблематизация же представляет собой механизм остранения, превращение знакомого в незнакомое. Анкерсмит утверждает, что по самой своей логической конструкции метафора не может быть инструментом проблематизации. В его логике это означало бы, что проблематизация – остранение объекта – есть некоторое вне-трансцендентальное основание познания. Мы не можем принять этот тезис: «понятность» или «непонятность» является не онтологическим свойством самого объекта, а характеристикой его отношения к нашей познавательной схеме. Как показывает предпринятое нами исследование, неконсистентность метафор разных порядков, прежде всего, метафор само- и мета-описания объекта, и является источником такой проблематизации.

Review: *Modern cities are endlessly heterogeneous and always changing. Culture experts, psychologists and sociologists dispute with each other trying to win the right to talk about this changeability in*

¹ Этот текст – результат моего многолетнего общения и сотрудничества с Давидом Львовичем Константиновским и Дмитрием Юрьевичем Куракиным. Некоторые из озвученных здесь идей были ранее включены мной в нашу совместную книгу «Реальность образования и исследовательские реальности» (ГУ-ВШЭ, 2010), и усилены во втором издании «Реальность образования. Социологическое исследование: от метафоры к интерпретации» (ЦСПиМ, 2013). Часть, посвященная аксиоматике социологического познания была сформулирована в полемике с Л.Д. Гудковым (См. Вахштайн В. С. По ту сторону постсоветской социологии: парадоксы и тавтологии // Пути России. Современное интеллектуальное пространство: школы, направления, поколения. М.: Университетская книга, 2009.) Исследование метафорики современного города – фрагмент моего нового теоретического проекта по социологическому переописанию городского пространства (См. Вахштайн В.С. Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. 2014. №2.)

Социология культуры, социокультура

terms of their science. This is probably the reason why discussions touching upon 'urban culture', 'structure of urban society' and 'urban everyday life' usually have an interdisciplinary nature. The object of research lies at the crossing point of the aforesaid sciences, too. The author of the article raises a question whether taking into account such 'interdisciplinary autism' it is possible to make a theoretical statement using sociology terms and this statement can be relevant to terminology of interdisciplinary sciences. What acts as a 'cross disciplinary bridge' that can convey the theoretical content overcoming the disciplinary borders between sociology, psychology and cultural studies? According to the author, metaphor can serve as such a bridge. Therefore, the present article is devoted to the analysis of the two types of metaphors, self-descriptive and meta-descriptive metaphors in urban ideologies and urban studies. The research is based on the IPA methodology (Interpretative Policy Analysis), frame-analysis and analysis of metaphoric grounds of sociological conceptualization. Metaphors can be coherent or consistent. For example, metaphors of our country as a 'rust-bucket in the ocean of world policy' or a 'train on a side route of history' are coherent metaphors, i.e. they agree with the general concept of 'transport', but these metaphors are not consistent, i.e. they do not create a single image. On the contrary, metaphors 'Our country is a ship' and 'Party is our steersman' are consistent but not coherent. Applying to the scope of the present article, this means that epistemic metaphors (researcher's self-description) and theoretical metaphors (meta-description of an object) are more consistent than meta-description of an object and self-description of an object. The relationship between metaphors in the triangle 'Self-description of cognition – Meta-description of an object – Self-description of an object' reflects the nature of contingency and these metaphors are not precisely correlated. This conclusion allows to solve Ankersmit's case. If Frank Ankersmit is right, then the two key operations of a researcher's mind, problematization and conceptualization, are opposed to each other. Conceptualization is based on metaphoric mechanisms of reasoning and is the process of presenting the unfamiliar as something familiar, i.e. describing an unfamiliar object in terms of the existing system of categories and concepts. On the contrary, problematization is a process of 'defamiliarization' or transformation of the familiar into the unfamiliar. Ankersmit establishes that logically a metaphor cannot serve as a tool of problematization. If we follow his logic, we can tell that problematization – i.e. defamiliarization of an object – creates some kind of 'beyond transcendence' grounds for cognition. However, the author of the article rejects such a thesis. According to the author, 'comprehensibility' or 'incomprehensibility' are not ontological properties of an object but an attribute of the relation of an object to the above mentioned cognitive scheme. As the results of the research show, inconsistency of metaphors of different orders, first of all, metaphors of self- and meta-description of an object, is a source of such problematization.

Ключевые слова: Метафора, самоописание, метаописание, городские исследования, социологизм, урбаницизм, социология города, Анкерсмит, Латур, Блэк.

Keywords: Metaphor, self-description, meta-description, urban researches, sociology, urbanism, social urban studies, Ankersmit, Latour, Black.

Современные города бесконечно гетерогенны и изменчивы. Культурологи, психологи и социологи непрерывно оспаривают друг у друга право говорить об этой изменчивости на языке своей науки так, как если бы это был язык самого города. Возможно именно поэтому разговоры о «городской культуре», «социальной структуре города» и «городском образе жизни» не покидают поля теоретического обсуждения в междисциплинарных областях. В точке сборки этих дисциплин находится сам объект.

Возможно ли в такой ситуации «дисциплинарного аутизма» какое-то теоретическое высказывание, сделанное на языке социологии, но релевантное языкам смежных наук? Что может выступать в качестве «кросс-дисциплинарного моста», по которому поверх

дисциплинарных границ между социологией, психологией и культурологией может быть организована доставка собственно теоретического содержания? Мы полагаем, что таким «мостом» является *метафора*.

Всякое социологическое исследование с неизбежностью предполагает концептуализацию своего объекта. В свою очередь, такая концептуализация носит преимущественно метафорический характер: «общество как животное», «пространство как сцена», «образование как игра», «научное сообщество как племя аборигенов» – вот лишь некоторые примеры расхожих метафор социологии. Хотя радикальные социологи этнометодологического толка и предлагают сегодня в качестве эпистемического идеала так называемое остенсивное определение феномена – т.е. непроблематичное

«указание пальцем» на самоочевидные данности социальной действительности² – идеал этот остается, по счастью, не только неконвенциональным, но и недостижимым. Несмотря на объявленную войну «птичьему социологическому языку», концептуальная работа, понимаемая как работа по созданию конечных словарей³ и закладке теоретического фундамента будущего исследования, остается конвенцией исследовательского сообщества. И до тех пор, пока создание концепций неотделимо от выбора языковых средств, вопрос о дотеоретических основаниях исследовательской практики не утратит своей актуальности.

Однако эта статья – не только и не столько о дотеоретическом фундаменте социологического исследования. Нас интересует проблема, которая крайне редко попадает в поле зрения как социологов-теоретиков (занятых осмыслением метафоричности концептуальных схем, лежащих в основе социологической референции изучаемого объекта), так и социологов-эмпириков (для которых метафоры – если они вообще «распознаются» и проблематизируются – являются частью самого описываемого объекта). Ее основной вопрос: как функционируют метафоры первого и второго порядка, метафоры в мета- и само-описаниях? И каково отношение между ними: «метафорами объекта» и «метафорами предмета»? Чтобы задать такую перспективу анализа нам необходимо сначала прояснить собственные аксиоматические основания.

Аксиоматика социологической эпистемологии

Мы исходим из того, что всякая социальная теория (сконструированная рефлексивно или принимаемая на веру по наитию) – это в первую очередь некоторый ресурс воображения. Центральная характеристика теоретической конструкции – «представимость» мира ее средствами. Наука, по меткому замечанию Хайдеггера, «...сталкивается всегда только с тем, что допущено в качестве доступного ей предмета ее собственным способом представления»⁴, а по-

² См. критическую статью Корбут А. На что можно указать пальцем? Фрейм, практика и кое-что еще // Социологическое обозрение Т. 8. № 1. 2009.

³ См. программную работу Ричарда Рорти: *Rorty R. Method, Social Science and Social Hopes // Consequences of Pragmatism (Essays:1972-1980)*, Ch.11. Harvester Press, 1982.

⁴ Хайдеггер М. Вещь // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С.62.

тому пополнение арсенала способов представления, техник воображения и мышления – особая область теоретической работы.

Мы также принимаем как не требующий доказательств тезис о существовании «нелогического ядра логически выстроенной теории» (К. Поппер), об уровне «невопрошаемого» в социологическом теоретизировании. Феноменологическая философия вооружила социологию идеей «*epoché* естественной установки»⁵ – представлением о необходимости перестать сомневаться в реальности мира для существования в этом мире. Чтобы сороконожка могла сделать хотя бы шаг, она должна запретить себе задаваться вопросом «С какой ноги ходить?». С тем же основанием мы можем говорить об «*epoché* рефлексивной установки» социального ученого – о приостановке сомнения в собственных аксиоматических допущениях. Сомнение в аксиомах блокирует дальнейшее рассуждение. Исследователи «социетальных трансформаций российского общества» не ставят под вопрос существование российского общества и возможности его трансформаций. Аналогичным образом и исследователи «порядков повседневного взаимодействия лицом-к-лицу»⁶ не сомневаются в наличии у людей лиц. (Впрочем, мало не сомневаться в существовании «социетальных трансформаций» или «выражения лица» – нужно научиться не сомневаться в их значимости для исследования.)

Аксиомы имеют не логическую, а имажинативную, образную природу. Мы исходим из того, что в основе любого социологического (и, вероятно, не только социологического) исследования лежит имплицитный образ изучаемого объекта. Имплицитные образы предпосланы концептуальным определениям и составляют их «твердое ядро», между собой образ и концепт соотносятся как аксиоматический и теорематический уровни знания.

Образы носят до-логический и контингентный характер. С этим тезисом, по всей видимости, не согласились бы классики марксизма, для которых «...предпосылки... не произвольны, они – не догмы; это действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении... Это – действительные индивиды, их деятельность и материальные

⁵ Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. 2003. Том 3. №2.

⁶ Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А.Д. Ковалева. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000.

условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью. Таким образом, предпосылки эти можно установить чисто эмпирическим путем»⁷. Впрочем, данное утверждение классиков также аксиоматично и само по себе не может быть установлено эмпирическим путем, оно связано с имплицитным представлением о «действительных индивидах» и «материальных условиях их жизни» как о наиболее прочных основаниях нашего знания о мире. В той же мере аксиоматичным утверждением является и первое предложение настоящего фрагмента доклада – о необходимости предварительной экспликации аксиом – оно определяет все последующее рассуждение, не будучи определяемым ни одним из элементов этого рассуждения. (Собственно, поэтому мы и назвали его «правилами хорошего тона» – за неимением другой опоры для аксиом, приходится ссылаться на негласные нормы этикета научной коммуникации⁸.)

Имплицитные образы объекта, лежащие в основе теоретических описаний, зачастую принимают вид метафор⁹. Фундаментальные метафоры «Общество как организм», «Общество как Высшее существо» или «Общество как система» предпосланы социологическим описаниям, выполненным в технике «социального реализма». Социология науки оперирует своим набором фундаментальных метафор¹⁰: «Наука как политика», «Наука как язык», «Наука как этикет» и т.п.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1955.

⁸ В свою очередь, это не означает, что вся научная коммуникация потенциально сводима к «этикету» и «негласным правилам хорошего тона», хотя такая идея и не покидает умов социологов науки. Наиболее остроумную «этикетную» или «церемониальную» модель описания научной коммуникации – модель, выстроенную с опорой на работы раннего Ирвинга Гофмана, – предложил Михаил Соколов.

⁹ Сам по себе образ не тождествен метафоре. Можно сказать, что метафора представляет собой одну из форм бытования до-теоретического образа – форму, которая делает возможной его последующую теоретическую обработку и превращение в концепт. Мы исходим из того, что метафоры не рядоположны концептам, и потому принадлежат, скорее области до-теоретического, нежели собственно теоретического знания, но к этому тезису мы еще вернемся.

¹⁰ Фундаментальными здесь и далее называются метафоры, служащие для описания объекта дисциплины в целом и выполняющие функцию демаркации, первичного различения объекта / не-объекта.

Аксиоматика (посредством метафор) определяет *оптику* теории. Оптика – это стратегия взгляда. Исследователь видит мир таким, каким его делает доступным взгляду его собственный теоретический словарь. Изменяя «настройки» теории, мы изменяем пространство ее оптических возможностей.

Оптика задает горизонт *проблематизации*. Операция проблематизации – постановки под вопрос, представления какого-то аспекта изучаемого объекта в образе «черного ящика» – возможна благодаря несомненности аксиом и ясности оптик. Поэтому эпистемическая проблема, проблема которую можно исследовать в пределах выбранных различий, – это всегда результат осмысленных усилий проблематизации и никогда не свойство самого объекта.

Наконец, последняя предпосылка нашего анализа: оптика является условием *практики*. В конечном итоге, исследователь может действовать лишь в границах «видимого»; поскольку используемые им понятия являются «условиями видимости» изучаемых им объектов, всякое исследовательское действие – т.е. действие эпистемическое, направленное на приращение знания об объекте – оказывается «оптически заданным»: невозможно изучать то, чего нет в словаре исследователя. А потому «теория» (выбранная осознанно или принятая имплицитно) есть в любом эпистемическом действии.

Аналогично: способность к самонаблюдению и самоописанию¹¹ потенциально заложена в любом исследовательском языке. Из этого не следует, что рефлексия социального ученого – обязательный компонент его работы. Среднестатистический российский социолог может бесконечно долго рассуждать о «социальной и исторической детерминации форм знания» на примере «массовых представлений» «среднестатистических граждан» Российской Федерации, возводя генезис таких представлений к «негативной идентичности людей» и «историческим травмам», полученным ими в результате «распада Советского Союза»¹². Однако требуется мужество, чтобы признать – тогда и его собственные объяснения имеют сходное происхождение, а значит, обусловлены его, исследователя, «исторической травмой». Оптические возможности социолога всегда ограничены: «зоны видимо-

¹¹ См. Луман Н. Общество как социальная система. / Пер с нем. А. Антоновский. М.: Логос, 2004.

¹² Яркий пример такого рассуждения: Гудков Л.Д. Абортивная модернизация. М.: РОССПЭН, 2011.

сти» окружены «слепыми пятнами». Порой «слепым пятном» для исследователя оказывается сам исследователь.

Иллюстрацией такого образа науки служит метафора радара, который позволяет наблюдать самолеты задолго до их появления в зоне прямой видимости. Для того чтобы оператор мог их различить, в систему уже должно быть заложено отображение некоторого сегмента пространства в условную координатную плоскость, представленную на мониторе, а помимо этого – сложная совокупность идентификаций и различений («самолет / не-самолет», «свой / чужой» и т.п.). При этом у нас никакой «зоны прямой видимости» нет. Никто не видел «социальных установок» и «российского общества» воочию. (Кажется, что «выражения лиц» в отличие от социетальных структур доступны прямому наблюдению, но это тоже обман зрения: социологическое понятие «facework»¹³ имеет с «выражением лица» такое же отдаленное сходство, как ползущая по монитору точка – с самолетом.) Система локации создает лишь референции своих объектов на мониторах благодаря своим собственным средствам представления. Как замечает по этому поводу французский эпистемолог Ж. Никод: «Каждая система, в конечном итоге, знает только собственные изначальные формы и не умеет говорить ни о чем другом»¹⁴. (Данный тезис Никода относится к геометрии, но может быть использован применительно к научному познанию как таковому.) Иными словами, *самолет – это объект, точка на мониторе – предмет.*

Обратим внимание на идею различения. По большому счету, различение – это главная операция концептуализации. Ведь всякая концепция подобна системе наведения на цель, использующимся в противовоздушной обороне: чтобы можно было зафиксировать движущийся объект и идентифицировать его как вражеский самолет, в систему должна быть заложена некоторая совокупность основных различений, позволяющих ей отличать самолеты от птичьих стай, а вражеские самолеты – от собственных. Таким образом,

¹³ Goffman E. On facework // Goffman E. Interaction Ritual. New York, 1967.

¹⁴ Nicod J. La géométrie dans le monde sensible. Paris, 1924. Цит. по: Бурдые П. За рационалистический историзм // Социо-Логос постмодернизма. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии РАН. М.: Институт экспериментальной социологии, 1996.

основополагающим различием является граница между предметом исследования («самолетом») и тем, что остается за скобками описаний («птичьими стаями»). Второй порядок различений – отделение релевантных для анализа параметров объекта («свой / чужой») и нерелевантных его параметров («зеленый / серебристый»). Соответственно любая система различений является также и системой релевантностей¹⁵, но это – другая тема.

Что любопытно, подобными объектами различения и идентификации могут выступать другие системы локации. Отсюда способность самореферентных научных языков к взаимному наблюдению и описанию – «считыванию». Один язык может становиться ресурсом другого. К примеру, язык веберовской социологии был «считан» теорией Т. Парсонса. А язык парсонсовского структурного функционализма был «считан» сложившимся в среде «прогрессивных советских социологов» языком социетального анализа. (Поэтому анализ социетальных трансформаций российского общества невозможно себе представить без «структур», «функций», «институтов», «символов», «идентичности», «интеграции», «дезинтеграции» и «контроля».¹⁶)

Именно здесь берет свое начало интересующая нас эпистемологическая проблематика: соотношение языков само- и мета- описания. Однако вернемся к логике социологического исследования.

Архитектура социологической концептуализации

Социологическое исследование может быть представлено в образе серии связанных друг с другом «переводов», выстроенных вокруг демаркационной линии науки / не-науки. Так же, как в каждой шутке есть лишь доля шутки, в каждом исследовательском проекте есть лишь доля науки. А вместе с ней – немалая доля здравого смысла, художественного воображения и управленческих компетенций. Ни один исследовательский проект не принадлежит научному миру целиком.

Если предположить, что граница науки и не-науки может быть проведена с необходимой

¹⁵ Шюц А. Размышление о проблеме релевантности // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004.

¹⁶ Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. Деятельно-структурная концепция. М.: Дело, 2002.

Социология культуры, социокультура

ясностью, то исследование (причем любое социологическое исследование) будет располагаться по обе ее стороны. Примерно так, как это показано ниже:

рос за последние два года в 2,5 раза. В условиях продолжающегося роста платежеспособного спроса имеет смысл предпринять X, Y, Z»).

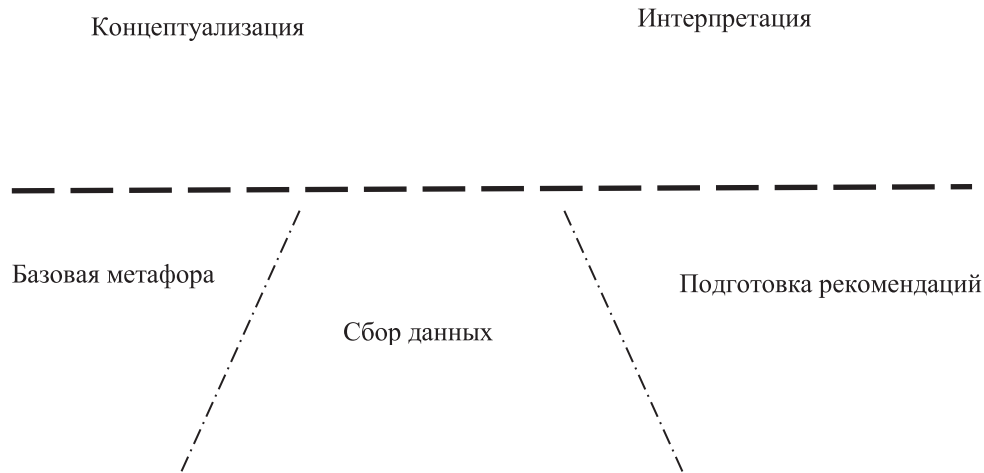

Рис. 1. Операции исследования и демаркация «региона науки»

Мы можем отметить точки перехода, в которых исследование приобретает или, напротив, теряет свою строгую научность:

- При преобразовании смутного метафорического образа изучаемого объекта в его ясное концептуальное описание (например, при движении от метафоры «образование как рынок» к концепту «рынок образовательных услуг»).
- При передаче разработанного в контролируемых лабораторных условиях инструментария «полевым», которые далее должны проверить его жизнеспособность в слабо контролируемой стихии сбора данных. («Скажите, согласились бы Вы перевести ребенка в лучшую школу, если бы это потребовало увеличения расходов на его обучение – включая транспортные расходы, оплату дополнительных занятий и учебных материалов – на 15 тыс. руб. в месяц?»).
- При получении сырых данных для преобразования их в данные приготовленные, пригодные к интерпретации. («Не вижу никаких зависимостей в этом массиве – попробуем отфильтровать всех, чей ежемесячный доход меньше 25 тыс.»).
- При переходе от выявленных в ходе интерпретации сюжетов к конкретным рекомендациям («Как показывают результаты исследования, платежеспособный спрос на услуги общего образования вы-

Таким образом, только шаги концептуализации, разработки инструментария и интерпретации данных совершаются по «правилам научного метода», остальные операции – и среди них полевой этап – подчинены иным законам. Причем, если о регионе научного знания мы можем говорить как о более или менее консистентном, предъявляющем к нашему тексту унифицированные требования (концептуальной ясности, методологической чистоты, обоснования суждений), то регионы по ту сторону разграничительной линии крайне разнообразны. Базовые метафоры (уровень аксиом) опираются скорее на интуицию и воображение¹⁷, процедуры сбора полевых данных – на логику здравого смысла и административные способности исполнителя, рекомендации же принадлежат «царству менеджмента».

Эта схема, сформулированная нами для описания архитектуры социологического исследования, требует принятия, как минимум, двух мета-теоретических предпосылок – эпистемологической и онтологической.

В сфере эпистемологии она предполагает априористское решение проблемы соотношения «теории» и «эмпирии». В отличие от исследователей-эмпиристов, полагающих, что

¹⁷ В духе известного высказывания Х. Ортега-и-Гассета: «Поэзия изобретает метафоры, наука их использует, не более. Но и не менее». См. *Ортега-и-Гассет Х. Две главные метафоры*. М.: 1991.

они лишь картографируют реальность «как она есть» и «собирают данные» (нуждающиеся в теоретическом осмыслении только на самом последнем этапе работы), мы следуем логике методологов-априористов: не существует чистого эмпирического знания. Социологическое знание не берется непосредственно из «поля», все установленные нами факты – это суждения об опыте в категориях того или иного теоретического языка. Не больше. Но и не меньше. Именно поэтому социологическое исследование начинается не с похода «в поле», а с теоретической работы в библиотеке и имеет вид «Концепт => Оперант => Данные => Интерпретация» (а не «Данные => Интерпретация => Рекомендации»).

В области онтологии предложенная на Рис. 1 схема опирается на тезис У. Джемса¹⁸ и А. Шюца¹⁹ о множественности реальностей. Теория и эмпирия – это не бинарная оппозиция, между полюсами которой растянуто социологическое исследование. Скорее, мы имеем дело с постоянными переходами между разными замкнутыми субуниверсумами (Шюц называет их «конечными областями смысла»), среди которых «мир научной теории» и «мир опыта» – лишь две остановки на долгом пути. Регионы социологического теоретизирования, повседневного опыта информантов, воображения исследователей и практических задач заказчиков граничат друг с другом, но остаются взаимно непроницаемыми, поскольку каждая из областей имеет собственный императив и внутреннюю логику. Эта логика не сводима к логике остальных областей, подобно тому как «конечные области смысла» Шюца являются герметично замкнутыми и отграниченными друг от друга. Требования заказчика ничего не значат на языке теории или методологии. Концептуальные определения, образующие основу теории (такие, например, как «качество городской среды»), не могут быть непосредственно соотнесены с опытом – им требуется операционализация. Однако существуют своего рода принципы перевода, опираясь на которые элементы исследования соотносятся между собой и предстают как различные части единой конструкции.

В данной работе нас будет интересовать первый такой перевод – движение от метафоры к концепту.

¹⁸ James W. The Principles of Psychology. Dover, 1890. (Глава 21 «Perception of Reality»).

¹⁹ Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение 2003. Т. 3. №2.

Трансцендентальная функция метафоры

Мы не будем сейчас углубляться в многочисленные теории метафоры; каждая из них строится на своей собственной аксиоматике и предлагает свой собственный метафорический образ изучаемого объекта: в данном случае – метафору метафоры. Релевантный последующему рассуждению образ был предложен создателем интеракционистской теории метафоры Максом Блэком: «Предположим, что я смотрю на ночное небо через закопченное стекло, на котором в некоторых местах прорисованы чистые линии. Тогда я буду видеть только те звезды, которые лежат на этих линиях, а картину звездного неба можно будет рассматривать как организованную системой этих линий. Нельзя ли считать метафору таким же стеклом, а систему общепринятых ассоциаций фокусного слова – сетью прочерченных линий? Мы как бы “смотрим” на главный субъект “сквозь” метафорическое выражение – или, говоря другими словами, главный субъект “проецируется” на область вспомогательного субъекта»²⁰.

Этот образ закопченного стекла и звездного неба – недвусмысленно кантианский по своему происхождению (или, как сказал бы сам Блэк, по имплицитной им сети общепринятых ассоциаций). На трансцендентальный характер наших базовых метафор неоднократно обращали внимание исследователи – как оппоненты, так и яростные критики кантовского трансцендентализма. Один из самых сильных критических аргументов был предложен Ф.Р. Акерсмитом, который начинает с детального анализа кантианских начал в теории метафоры: «Если сосредоточиться исключительно на метафоре, то первое, что надлежит отметить относительно нее, есть следующее: допустим, что мы видим одну вещь с точки зрения другой – метафора становится, по существу, эквивалентной индивидуальной (метафорической) точке зрения, с которой нас приглашают смотреть на часть исторической действительности. Например, метафора “земля – космический корабль” предлагает нам посмотреть на землю с точки зрения, которая определена соотношением (используя терминологию Блэка) понятий “земля” и “космический корабль”. Нужно заметить далее,

²⁰ Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990.

что эта точка зрения на метафору находится в абсолютном соответствии с главной идеей кантианского трансцендентализма – и поэтому метафора скорее является продолжением научных когнитивных идеалов, чем оппозицией им... Трансценденталистская и метафорическая точки зрения выполняют абсолютно идентичные функции. Трансценденталистской философии свойственна метафоричность, а метафоричности свойственен трансцендентализм».²¹ И далее: «Возможно, что метафора вообще есть наиболее мощный лингвистический инструмент, который мы имеем в нашем распоряжении для преобразования действительности в мир, способный адаптироваться к целям и задачам человека. Метафора “антропоморфирует” социальную, а иногда даже физическую реальность и, осуществляя это, позволяет нам в истинном смысле этих слов приспособиться к окружающей действительности и стать для нее своими. И наконец, что является даже более важным, сама способность метафоры превращать незнакомую действительность в знакомую: метафора всегда предоставляет нам возможность рассматривать менее известную систему в терминах более известной. Проникновение в истину – сущность метафоры».²²

Именно с этим связан критический аргумент Анкерсмита: метафора – в силу своей логической конструкции – есть инструмент присвоения, превращения неизвестного в известное. В формуле «X как Y» объект X – всегда неизвестен, непонятен и лишь отчасти познаваем (он принадлежит ноуменальному миру), тогда как предмет Y – уже вписан в нашу систему различений и ассоциаций. Именно за счет их наложения и возможна концептуализация: превращение самолета в точку на мониторе. Не споря с этим тезисом, Анкерсмит наносит удар с фланга: именно то, что метафора делает возможной концептуализацию объекта (его «вписывание» в нашу систему различений), свидетельствует о неспособности метафоры служить *инструментом проблематизации* – метафора не в состоянии сделать известное неизвестным, она всегда лишь инструмент присвоения и освоения объекта.

Выходом из этого тупика может стать различение, которое для Анкерсмита незначи-

мо – различение исследовательского метаописания объекта и его самоописания. Все, о чем мы говорили выше, имеет отношение, прежде всего, к метаописаниям – нашим попыткам «схватить» свой объект в языке своей дисциплины. При этом за скобки выносятся весьма тривиальное наблюдение: наши объекты, как правило, способны к производству самоописаний – со своей аксиоматикой, оптикой и метафорикой.

Должно ли социологическое метаописание как-то «относиться» к той метафорике, которая уже заложена в самоописании объекта? После всего нами сказанного выше об автономии исследовательской оптики (радар) от объекта (самолета) ответ напрашивается сам собой – нет. Диагноз не пишется на языке больного, кинологи не обязаны в своей работе прибегать к лаю и гавканью, а социологи – строить свои концептуализации на базе самоописаний. Однако само напряжение между метафорикой первого и второго порядка является любопытной эпистемологической проблемой. Далее мы попробуем проиллюстрировать ее на примере конкретного исследования метафор городских исследований (urban studies) и городских идеологий (urban ideologies).

Кейс 1. Метафоры в самоописании: городские идеологии

Привычная социологическая оптика заставляет нас различать за политическими решениями и ходами подлинными мотивы, ставки и интересы игроков²³. Однако есть и принципиально иной способ мыслить политику, особенно городскую. Не задаваясь вопросом «Что за этим кроется?»²⁴ мы анализируем устойчивые повествования о городе, предполагая, что существует множество дискурсивных полей, одно из которых – поле политики. То есть, помимо литературных («Москва в произведении Гиляровского»), визуальных («Нью-Йорк в комиксах о Бэтмене»), исторических («довоенный Вильнюс в воспоминаниях современников») и множества иных «дискурсов» мы можем выделить особый кластер политических репрезентаций города («Мо-

²³ Бурдые П. Социология политики / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993.

²⁴ Луман Н. «Что происходит?» и «Что за этим кроется?». Две социологии и теория общества // Теоретическая социология: Антология / Под ред. С.П. Баньковской. Т. 2. М.: Книжный дом «Университет», 2002. С. 320.

²¹ Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева М.: Издательство: М: Прогресс-Традиция, 2003. С. 47.

²² Анкерсмит Ф.Р. Там же. 49.

сква в Стратегии развития – 2025»). Такие нарративы мы далее будем называть *городскими идеологиями*²⁵.

Ключевое отличие идеологий от иных типов нарративов состоит в том, что они встроены в процесс принятия политических решений. При этом формируются подобные идеологии, как правило, не «внутри» управленческой машины, а в совсем иных дискурсивных пространствах – формируются как устойчивые языки самоописания города: со своей аксиоматикой, оптикой и, что особенно важно, метафорикой. Всякая идеология – язык описания, но далеко не всякий язык описания – идеология. Этот тезис, заимствованный нами из исследовательского направления IPA (Interpretative Policy Analysis)²⁶, позволяет представить все пространство принятия политических решений как битву разных языков описания за право определять, что такое город и каким он должен быть.

Сегодня в большинстве мегаполисов мира мы найдем два противоборствующих языка описаний, сложившихся в конце XIX – начале XX века. Базовая метафора первого языка: *город как машина роста, машина развития*. Рост здесь понимается, прежде всего, как экономический рост. Это модернистский нарратив, нарратив «высокого урбанизма».

Именно в городах концентрируются все основные ресурсы (человеческие, материальные, интеллектуальные) и именно здесь происходит самый значимый «модернизационный прорыв» XIX в. Высокий урбанизм – плоть от плоти высокого модернизма. Примеры такого мышления о городе легко отыщутся в градостроительной истории Советского Союза 20-30-х годов²⁷, но классическая иллюстрация – Нью-Йорк Роберта Мозеса²⁸. По свидетельствам современников, Мозес страдал комплексом «гиперактивного строительства», нью-йоркцы называли его «master

builder». Его фетиш – скоростные городские магистрали, «parkways» и «highways». Идеология «манхэттенизма» (с акцентом на строительстве небоскребов, автономизацией кварталов и гипернасыщенности городского пространства²⁹) получила при Мозесе новый толчок. Мозесу приписывается возведение в культ двух свойств современного мегаполиса – *мобильности и плотности*.³⁰

За таким модернистским способом мышления о городе стоит просвещенческий рационализм. Р. Декарт мимоходом замечает: «...старые города... обычно скверно распланированы по сравнению с теми правильными площадями, которые инженер по своему усмотрению строит на равнине»³¹. Однако в США рационализм усиливается пуританским утопизмом и ярким образом «Сияющего града на холме», абсолютного земного центра³². Несколько утрируя, можно сказать, что метафорика высокого урбанизма проходит путь от «Сияющего града» Джона Уинтропа до «Лучезарного города» Ле Корбюзье³³.

Второй язык мышления о городе формируется несколько позже модернистского. Его самоназвание – «новый урбанизм»³⁴, но мы будем называть эту городскую идеологию «левым урбанизмом»³⁵. Левый нарратив прицельно бьет по наиболее уязвимым точкам

²⁵ Hackworth J. The Neoliberal City: Governance, Ideology and Development in American Urbanism. NY.: Cornell University Press, 2000.

²⁶ Schon D.A., Rein M. Frame reflection: towards the resolution of intractable policy controversies. New York: Basic Books, 1994., Яноу Д., Хульст ван М. Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. №1-2. С. 87-113.

²⁷ Паперный В.З. Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 1996.

²⁸ Robert Moses and the Modern City: The Transformation of New York // eds. Jackson K.T., Ballon H. NY.: Norton, 2007.

²⁹ Колхас Р. Нью-Йорк вне себя // Пер. с англ. А. Смирновой. М.: Стрелка-пресс, 2013.

³⁰ В этой связи кажется любопытным то объяснение стремительного роста и развития шотландских «каменных» университетов (в Эдинбурге, Глазго, Абердине и Сент-Эндрюсе), которое предложила в 1997 г. парламентская комиссия Р. Диринга. В отличие от «негородских» Оксфорда и Кембриджа, шотландские университеты изначально создавались как центры политического влияния – в крупных городах того времени. И спустя несколько столетий (на этапе индустриализации) сосредоточение образованного населения, науки и экономических ресурсов в нескольких ключевых точках обеспечило «модернизационный прорыв» Шотландии. В результате шотландские университеты существенно выиграли именно за счет урбан-фактора. (См. Вахштайн В.С., Железов Б.В., Ларионова М.В., Мешкова Т.А. Системы высшего образования стран ОЭСР. М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2005.)

³¹ Декарт Р. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 267.

³² Bremer F. John Winthrop: America's Forgotten Founder. NY.: Oxford University Press, 2003.

³³ Curtis W. Le Corbusier: Ideas and Forms, NY.: Phaidon, 1994.

³⁴ Лефевр А. Идеи для концепции нового урбанизма // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. №3.

³⁵ Грац Р. Город в Америке: жители и власти / Пер. с англ. В. Глазычева. М.: Ладья, 1995.

Социология культуры, социокультура

высокомодернистских проектов. Все, что начинается как «машина роста и развития» рано или поздно оборачивается «Метрополисом» из фильма Фрица Ланга. Или – совсем другой сценарий – как город Бразилиа, вдохновленный Осакром Нимейером и построенный Лусио Костой.

Модернистский город – машина роста и развития – соединяет в себе мечты таких разных людей как Ле Корбюзье и Роберт Мозес: он динамичен, мобилен, богат и... плохо пригоден для жизни. Это Москва в кубе. Поэтому для «левых урбанистов» город – тоже машина, но *машина отчуждения, неравенства и несправедливости*. Возьмем уже упомянутый город Бразилиа. После окончания строительства рабочие не пожелали вернуться в свои городки и деревни (как полагали «свободно парящие» авторы проекта), а создали на окраинах построенного ими города-птицы параллельный город – город трущоб³⁶. Наиболее динамично растущие города Индии и Китая – это города, развивающиеся, в том числе, за счет своих двойников-невидимок: трущобных окраин, гетто спальных районов, мигрантских пригородов и т.д. Благодаря советскому наследию мы пока слабо представляем себе, что такое резкая пространственная сегрегация. Она наполнила повседневную жизнь больших городов ощущением отчетливого присутствия иного, Чужого (хорошо проиллюстрированным в фильме «Девятый район»). В том же Мумбае при нынешних темпах роста к 2050 г. будет жить 36 млн. человек (пока это шестой город по численности населения в мире, но в недалеком будущем он выйдет на первое место). Уже сейчас примерно треть его населения живет в трущобах: на шестьсот человек приходится одно туалетное сиденье³⁷.

Модернистский урбанизм инвестирует в небоскребы и хайвэй, «левый урбанизм» – в электрификацию трущоб, системы общественного транспорта и развитие локальных сообществ. Сама по себе идея абсолютной и самостоятельной ценности малых городских сообществ – не новость. (Отсюда интерес географов и урбанистов к «вернакулярным районам»³⁸). Но «левый урбанизм» сделал

³⁶ Holston J. The Modernist City: An Anthropological Critique of Brasilia. Chicago: University of Chicago Press, 1989.

³⁷ Swaminathan R., Goyal J. Mumbai vision 2015: agenda for urban renewal. Macmillan India, 2006.

³⁸ Пузанов К. Территориальные границы городских сообществ // Социология власти. №3. 2013.

эту ценность градостроительным императивом. Здесь показательна история падения уже упомянутого Роберта Мозеса. Когда стало известно, что для строительства спроектированного им шоссе нужно практически полностью снести один из районов Гринвич-Виллиджа, журналист Джейн Джекобс подняла мощную общественную кампанию, превратив публичное пространство Нью-Йорка в арену яростной борьбы с планами мэрии. И дело было не в сохранении исторического облика города – вернее, не только в нем. Дело было в разрушении социальных связей, локальных сообществ, того, что позволяет противостоять тяжелой поступи модернистского урбанизма. Джекобс побеждает в поединке с Мозесом. Это один из самых значимых поворотных пунктов в истории Нью-Йорка (следующий такой поворот произойдет гораздо позже, с приходом в мэрию Р. Джулиани.)

История городской политики XX века – это история противостояния двух языков описания города (и связанных с ними сценариев развития): высокого и левацкого урбанизма. К 60-70-м годам эти две модели уже сказали друг другу все, что могли. Не то, чтобы они полностью исчерпали себя – просто их ресурсов оказалось явно недостаточно для понимания того, что происходило с городами. Так на авансцене появилась третья, самая молодая на сегодняшний день городская идеология – назовем ее *хипстерским урбанизмом*.

Модернисты инвестируют в небоскребы и шоссе, «левые» – в доступное жилье и общественный транспорт, хипстеры – в велодорожки, парки и пешеходные зоны. Хипстерский урбанизм превращает городское пространство в подмостки, город – больше не машина, а сцена. (То есть, машина совсем иного рода: *машина представления, машина удовольствия*.) Он раскрашивает в яркие цвета заборы и устанавливает на каждом углу контейнеры для сортировки мусора. Зброшенные промзоны становятся очагами общественной жизни. Постиндустриальные трущобы оккупируются представителями «креативного класса» и образуют новый «творческий кластер». Несмотря на тщательно культивируемую идеологию «livability», это не про жилье, но и не про рабочие места – это, скорее, про те пространства, где люди могут встречаться и общаться друг с другом (от дворов до центральных парков). Кредо хипстерского урбанизма точно выразил датский архитектор Ян Гейл: «Не спрашивайте меня, сколько людей

живет в этом городе – спросите, сколько получают от этого удовольствие». И дальше по тексту: «город должен быть как хорошая вечеринка – если я возвращаюсь домой до трех часов ночи, значит, он не удался». Город – это весело. Город – это ярко. Город – это непрерывная череда событий. Город – это там, где вам есть куда пойти. Город – это «Istanbul the cool» и «I AmSterdam»³⁹.

Кейс 2. Метафоры в метаописании: исследования города

Теперь сделаем следующий шаг – перейдем в рефлексивную метапозицию.

Из приведенного выше нарратива следует, что есть город (как пространство, инфраструктура, совокупность живых и неживых объектов) и есть некоторое повествование о нем – городская идеология. Читателю предлагается самому расставить акценты. Представим себе шкалу, на одном конце которой утверждение «Город – объективная реальность, данная нам в ощущениях и повествованиях», а на другом – утверждение «Язык обладает самостоятельным существованием и все, что мы видим в городском пространстве – на самом деле, проекция той или иной идеологии». Это симметричные аксиомы. И симметричные заблуждения.

Первое аксиоматическое заблуждение принадлежит градостроителям, планировщикам и урбанистам. Оно приписывает онтологический статус (и каузальную силу) исключительно объектам городского пространства: каков город, таковы и идеологии. А потому Петербург сам диктует логику «петербургских нарративов», подобно тому, как некоторые объективные особенности Москвы заставляют говорить о ней именно так и не иначе. При некоторой степени самоуверенности можно утверждать, что не только городские идеологии, но и теории города – производные от «объективных городских особенностей». Почему чикагская школа прибегает к языку городской экологии, а лос-анджелесская – к языку марксизма? Ответ должен быть найден в специфике Чикаго и Лос-Анджелеса соответствующих исторических периодов.

«Сильный» урбанистический нарратив нацелен на лишение городских идеологий каузальной силы. Идеологии – это, конечно, удобный объект исследования, но город

порождает их в куда большей степени, чем они – город. Иными словами, метафоры городского пространства – не более чем его, пространства, репрезентации. При этом само пространство (понятое расширительно, как вся совокупность объектов и территорий) полагается единственным источником причинности. Меняется город – меняются языки его описания. Слабость такого теоретического хода бросается в глаза. Городские идеологии космополитичны и не прикованы цепями ни к историческим периодам, ни к местам своего обитания. Хипстерский урбанизм находит в Москве больше отклика, чем в Петербурге, но это не мешает ему, например, пускать корни в Самаре и торжествовать в Перми. Должны ли мы объяснить это явление некоторым мистическим «избирательным сродством» Перми, Москвы и Самары? А как быть со Стамбулом и Копенгагеном? Отсюда один шаг до абсурдной идеи «ложного сознания» больших городов: «Пермь – это Пермь, а Москва – это Москва, но в силу парадоксальной политической аберрации Москва начинает говорить и мыслить себя как Пермь». Соответственно, требуется «настоящий специалист», чтобы объяснить городу его объективную природу и предложить подходящую ему идентичность и идеологию.

Теперь сместимся на одно деление нашей воображаемой шкалы – сделаем шаг к языку. Это движение от «сильного» урбанистического объяснения к «сильному» социологическому. Социологизм действует чуть тоньше. Действительно, есть город, и есть языки его описания. Но языки производятся людьми – причем, людьми, живущими в этом городе. Появляются новые люди – появляются новые языки. А значит, городское пространство само по себе не обладает каузальной силой, но и идеологии ею не обладают. Городские повествования – не репрезентации, а результаты *аккумуляции интересов* разных борющихся друг с другом групп интересов. Социологизм объясняет смену доминирующих идеологий и изменение пространства одним и тем же стандартным набором факторов: от «трансформации социальной структуры» до «смены элит». В логике социологизма: сначала появляется «креативный класс», затем он из класса-в-себе становится классом-для-себя, потом его интересы и картина мира складываются в новую метафорику города, а уже затем чуткие к его чаяниям и риторике элиты начинают использовать эту метафорику в поли-

³⁹ Gehl J. Cities for People. Copenhagen: Island Press, 2010.

Социология культуры, социокультура

тической борьбе, соответствующим образом преобразуя городское пространство.

К сожалению, такая логика – столь дорогая сердцу социологов – плохо работает на российском материале. Потому что значительная часть политических решений принимается не в соответствии с чьими-то скрытыми интересами, а просто потому что «что-то должно быть сказано [на планерке]» и «что-то должно быть сделано [по итогам года]». Машина городского управления – не столько арена столкновения элит, сколько самореферентная операционная система, базовая операция которой – решение-с-последующей-реализацией. Решение же требует языка. Последние пять лет мы были свидетелями того, как язык, пользуясь выражением Никласа Лумана, «производит собственные индикаторы реальности»⁴⁰. Неслучайно хипстерский урбанизм появился в России существенно раньше самих «хипстеров» и «выражающих их интересы» элит. Нет решительно никакой гомологии в изменении социальной структуры города и смене доминирующего языка его описания. (Хотя прозорливый наблюдатель всегда сможет проследить связь между сменой идеологии и сменой элиты. Проблема кроется как раз в слове «всегда».)

Должны ли мы, следовательно, порвать с «социологизмом» и «урбаницизмом» и решительно перейти на темную сторону – сторону языка? Заявить, что ни политические элиты, ни, тем более, объективные особенности города, не являются источниками причинности? Что языки описания существуют независимо и от объекта описаний, и от тех, кто на них говорит? Что городское пространство – пассивный проекционный экран, *tabula rasa* (или, в чуть смягченной версии: глыба мрамора с прожилками, ограничивающими произвол скульптора), на котором обитающие в горнем мире языки оставляют свои письмена? В отличие от социологизма и урбаницизма «филологизм» мыслит язык в духе Уильяма Берроуза: как вирус, завладевающий мозгом управленцев, навязывающий им свою систему различений и тем самым предопределяющий все последующие изменения.

Здесь я вынужден признаться в тайной (или вполне явной⁴¹) симпатии к такому теоретическому решению. Оно представляется мне наиболее «чистым». Борьба метафор

⁴⁰ Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005.

⁴¹ Вахштайн В.С. Метафорика университета. Доступ через <<http://postnauka.ru/longreads/13096>>, 2013.

за право менять пространство – исключительно интересный предмет исследования. К примеру, до недавнего времени городские парки финансировались департаментом по количеству зеленых насаждений на единицу площади: действовала функционалистская метафора «Парки суть зеленые легкие города». С приходом хипстерского урбанизма в финансировании парков стало учитываться количество мероприятий, организованных на их территории, количество посетителей, и ряд других показателей, связанных с иной метафорой: «Парки суть городские подмости». Экологическая метафорика сменилась сценической, что повлекло за собой вполне материальные следствия.

Увы, приписывание исключительного онтологического статуса языку так же неудовлетворительно, как и два других «сильных» нарратива. На первый взгляд, данный теоретический ход связан с филологической интервенцией в урбанистику. Исследователи «городских текстов» отстаивающие, вслед за Ю.М. Лотманом, приоритет означающего над означаемым, использовали аппарат семиотики, чтобы заместить город «городом»: Петербург – «Петербургом Достоевского», Москву – «Москвой Гиляровского», а Афины – «Афинским текстом». Для этого им потребовалось всего несколько операций разотождествления и одна операция замещения. Чтобы такая логика приобрела убедительность, нужно отделить конкретный физический город от города абстрактного («мы не говорим о городах вообще, мы говорим о Нью-Йорке»), город в конкретный исторический период от того же самого города сегодня («мы не говорим о сегодняшнем Нью-Йорке, мы говорим о Нью-Йорке середины XX в.»), и, наконец, город как пространство, от его репрезентаций («мы не говорим о реальном Нью-Йорке, мы говорим о Нью-Йорке Сэлинджера»). После чего, если получившийся исследовательский нарратив достаточно убедителен, его выводы распространяются на все, что вначале было вынесено за скобки: «нетрудно заметить, что обнаруженные нами связи сохраняют свою релевантность для многих современных мегаполисов». Оставим подобный тип рассуждения на совести филологов и историков. Однако и для социолога он обладает немалой привлекательностью в силу одного аксиоматического допущения, созвучного эпистемологии социальных наук.

Как мы писали выше, результаты научного познания в огромной степени детермини-

рованы выбранным теоретическим языком. Язык – условие возможности всякого знания об объекте. Именно он диктует исследовательскую оптику: мы видим то, что видим, потому что описываем это так, как описываем. Все, что мы знаем о городе, мы знаем лишь постольку, поскольку выбираем некоторый способ мышления и говорения о нем – в силу априорной концептуализации города как объекта исследования. Отсюда «естественный» переход от рефлексии наших собственных теоретических языков описания («город как совокупность социальных функций», «город как ансамбль рутинных практик») к анализу языков *самоописания* города («машина неравенства», «машина роста», «сцена» и пр.). Именно с таким теоретическим ходом (делегируя объекту некоторых свойств наших собственных аналитических нарративов) связано пристальное внимание социолога к метафорам в городских самоописаниях.

Рядоположение научных теорий города и городских идеологий превращает мэрию в подобие исследовательского института, главная задача которого – втиснуть описываемый объект в заданную базовой метафорой систему различений. Такое рядоположение – родовое проклятие интерпретативного политического анализа (IPA). Если здания, инфраструктура, ландшафт, социальные группы, элиты и интересы не обладают достаточной каузальной силой, чтобы объяснить происходящие в городском пространстве изменения, – с чего мы взяли, что это могут сделать метафоры? Не слишком ли тогда самонадеянно с нашей стороны заявлять: «Языки описания не репрезентируют город, а создают его»? Если мы – за всю историю нашей дисциплины – так и не смогли «собрать» город из людей и зданий, ресурсов и инфраструктуры, практик и функций, почему мы решили, что сможем собрать его из метафор и образов?

Тогда, может быть, нам стоит вообще отказать от «сильных объяснений» – предлагаемых социологизмом, урбаницизмом или филологизмом – и сместиться к центру шкалы, найти точку равновесия между приписыванием онтологического статуса только лишь городскому пространству или только языку его описания? Почему бы не приписать его сразу обоим? Заявить, что отношения между языком и пространством – это отношения взаимного конституирования, вроде «рисующих рук» Морица Эшера? Но «слабые» объяснения ничуть не лучше «сильных». Потому

что рисующих рук куда больше. Тяжело мыслить фильм как результат «активного взаимодействия» и «взаимного конституирования» проекционного луча и белого экрана. Почему не режиссера, актера и зрителей? Почему не продюсера и директора кинотеатра? А как быть с афишами, стульями и проектором? Как только мы от радикальных и неудовлетворительных в своем редукционизме «сильных» объяснений переходим к «слабым», мы оказываемся в ситуации дуалистического объяснения, где равным онтологическим статусом обладают слова и вещи – Монтеки и Капулетти всей философии модерна.

Чтобы сделать следующий шаг, нам сначала придется провести работу над ошибками. Ошибка же состоит в том, что мы изначально назвали некоторое множество объектов «*x*» – «Городом», а некоторое множество объектов «*y*» – «Языком». После чего задача была сведена нами к поиску отношения между элементами двух множеств.

Три из описанных выше теоретических стратегий априорным образом наделяют один из элементов одного из множеств каузальной силой. Социологические модели мышления признают за «элитами» (*x*) или «активными социальными группами» (*x'*) способность формировать городскую идеологию (подмножество *y*). При этом, что любопытно, они признаются элементами множества «*X*» («город»), которому не принадлежит сама формируемая ими идеология. Таким образом, социологизм ведет войну на два фронта: против «спациолизма» и «урбаницизма» за право социальных феноменов «*x*» доминировать над остальными элементами множества «*X*», и против «филологизма» и «семиотизма» – за монополию феноменов «*x*» на онтологический статус.

Присвоение онтологического статуса «языкам» устроено симметричным образом. Мы сначала выделяем в множестве языковых феноменов привилегированный элемент – метафору (*y'*), после чего наделяем ее способностью подчинять себе множество «*X*» при посредничестве «городских элит» (*x'*). Четвертая стратегия устанавливает между элементами двух множеств отношения круговой поруки – городские активисты, инфраструктура, политические элиты с одной стороны и метафоры, мифы и идеологемы с другой каким-то диалектическим образом определяют друг с друга. Дело осложняется семиотическим харак-

тером элементов множества «Y». Метафора сама имеет вид «X как Z» (или «X как x» в случае описанных нами выше метонимий). В результате вопрос об отношении между городом и его метафорическим описанием превращается в вопрос об отношении между городом и «городом как...». Наблюдается головокружительное умножение городов.

Дальше – хуже. Мы вынуждены задаться вопросом: какие именно теоретические языки позволяют нам установить отношение между двумя множествами. И вот множеств уже три. К городам (X) и их языкам (Y) добавляется множество концептов (C), позволяющих нам выражать их отношение. Концепты тоже имеют метафорическую природу. Так мы вернулись к исходной проблеме – проблеме соотношения языков *самоописания* и *метаописания* города⁴².

Интересно, что язык социологической теории легко допускает включение «людей», «социальных групп» и «политических элит» в множество «Город» (как если бы город был политическим телом, Левиафаном, собранным из человеческих тел и их отношений), но сопротивляется включению в это множество «метафор», «метонимий» и «идеологий». Города не состоят из слов. Мы скорее согласимся с тем, что элементы «языка» подчиняют себе разум сити-менеджеров, формируя при их посредничестве «городское пространство», чем с тем, что между двумя множествами нет жесткой границы. Просто потому что люди и инфраструктура существуют *в пространстве*, а метафоры и идеологии – *в языке*. И никакой лингвистический поворот не в силах изгнать из социологической теории этого картезианского демона.

Назад, к отношению метафорических порядков

Здесь пути исследования расходятся. Одно направление вернет нас в социологию города и должно в конечном итоге привести к созданию нового теоретического языка описаний, который лишен «родового проклятья» городских исследований: априорного различения языка и пространства. Второе направление вернет нас назад, к вопросу о том, как же связаны между собой теоретические и идеологические метафоры, метафоры города и метафоры исследования города.

⁴² Латур Б. Политика объяснения // Социология власти. 2012. № 8. С. 113-143.

Хотя мы изначально настаивали (и продолжаем это делать, как того требует наша аксиоматика) на независимости двух рядов метафор друг от друга, приходится признать – речь идет не о полном суверенитете, а лишь об относительной автономии. В противном случае нам не удастся объяснить, например, избирательное сродство метафоры «хипстерского урбанизма» как городской идеологии и «филологизма» как способа анализа. И еще более сильное семейное сходство «левого урбанизма» (самоописание) и «социологизма» (метаописание).

Зафиксировав эту относительную автономию и избирательное сродство двух метафорических пластов, мы тут же сталкиваемся со следующей проблемой. Как быть с третьим уровнем метафоризации – с *метафорами самоописания языка исследователя*? С теми самыми базовыми аксиоматическими допущениями, о которых речь шла в начале статьи? Для исследователя-социолога познание как процесс детерминировано социальными отношениями. Наука – в той же степени, что и город – описывается как результат взаимодействия агентов (каждый из которых обладает своими интересами, ресурсами, ставками и стратегиями). Для исследователя-эпистемолога научное познание – результат столкновения языков описания мира (каждый из которых обладает своей аксиоматикой, метафорикой и оптикой). Социологизм в эпистемологии подталкивает к социологистскому решению проблемы отношения языка и пространства в городских исследованиях. Аналогичным образом эпистемологизм подталкивает исследователя к выбору «филологистского» решения той же проблемы.

Существует ли между метафорами в рефлексивном самоописании исследователя и метафорическим ядром его теории такая же зона относительной автономии как между метафорами теории и метафорами самоописания объекта этой теории? Иными словами существует ли между социологизмом в эпистемологии («наука как политика») и социологизмом в исследовании города («город как арена борьбы социальных агентов») такой же зазор как между социологистскими исследованиями города и левым урбанизмом («город как машина неравенства»)? Очевидно, здесь зона автономии куда уже, а связь двух метафорических порядков – сильнее.

Другой вопрос – тип связи метафор разных уровней. Из работы Лакоффа и Джонсона мы

знаем, что метафоры могут находиться в отношениях когерентности (согласованности) и консистентности (совместимости)⁴³. Например, «Наша страна – уютное судно в океане мировой политики» и «Наша страна – поезд на запасном пути истории» суть когерентные, т.е. согласованные с более общим концептом «средство передвижения», но не консистентные, т.е. не образующие единого образа, метафоры. Напротив, метафорические конструкции «Наша страна – судно» и «Партия – наш рулевой» суть консистентны, но не когерентны.

Применительно к нашей проблематике это означает, что эпистемические метафоры (самоописания исследователя) и теоретические метафоры (метаописания объекта) более консистентны, чем метаописания объекта и его самоописания. Например:

1. Наука – это борьба различных агентов за монополию на истину. (Эпистемическая метафора, самоописание исследователя);

2. Город – это пространство борьбы различных агентов. Идеологии – суть инструменты этой борьбы. Пространство – проекционный экран отношений между агентами. (Теоретическая метафора, метаописание объекта);

3. Город – машина социального неравенства. (Идеологическая метафора, самоописание объекта).

Аналогичным образом:

1. Наука – это арена столкновения различных языков описания мира за право устанавливать доминирующий способ мышления. (Эпистемическая метафора).

2. Город – это результат столкновения различных языков описания, оставивших свой отпечаток в городском пространстве. (Теоретическая метафора).

3. Город – это машина впечатлений (Идеологическая метафора).

Мы видим два относительно консистентных набора метафорических конструкций. Но эта внутренняя консистентность условна. Зазор между метафорами второго и третьего уровня заметно сильнее, чем между метафорами первого и второго уровня. Эпистемические и теоретические метафоры более согласованы, чем метафоры самоописания объекта и метафоры его метаописания.

Вопрос: могут ли быть метафоры этих трех уровней совсем неконсистентными? Может

ли исследователь свято верить в то, что город – это машина экономического роста, описывать его так, как это делают представители интерпретативного политического анализа (собирая нарративы городских управленцев), и в то же время рефлексировать свою исследовательскую работу как элемент борьбы за признание, ресурсы и символический капитал? То есть, быть «социологом» в эпистемологии, «филологом» в теории и «урбанистом» в практике своей городской жизни? Видимо, да. За счет той самой автономии уровней, о которой шла речь выше.

Получается, отношения метафор в треугольнике «Самоописание познания – Метаописание объекта – Самоописание объекта» суть отношения *контингенции*; между ними нет никакого взаимно однозначного соответствия. (Хотя вряд ли кто-то всерьез возьмется утверждать, что эти отношения абсолютно произвольны.)

Позволим себе, тем не менее, высказать одно предположение, касающееся «загадки Анкерсмита». Если Ф.Р. Анкерсмит прав, то две ключевые операции исследовательского разума – проблематизация и концептуализация – противоположны друг другу. Концептуализация (основанная на метафорических механизмах мышления) есть представление «незнакомое знакомым», вписывание объекта в существующую систему различий. Проблематизация же представляет собой механизм остранения, превращение знакомого в незнакомое. Анкерсмит утверждает, что по самой своей логической конструкции метафора не может быть инструментом проблематизации. В его логике это означало бы, что проблематизация – остранение объекта – есть некоторое вне-трансцендентальное основание познания. Мы не можем принять этот тезис: «понятность» или «непонятность» является не онтологическим свойством самого объекта, а характеристикой его отношения к нашей познавательной схеме. Рискнем предположить, что неконсистентность метафор разных порядков, прежде всего, метафор само- и мета- описания объекта, и является источником такой проблематизации.

Возвращаясь к кантианскому образу метафоры как закопченного стекла, предложенному М. Блэком, мы можем добавить, что и сами «звезды» смотрят на себя через точно такие же закопченные стекла с прочерченными линиями. Мы видим не только сами звезды, но

⁴³ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под. ред. А. Н. Баранова. М.: Эдиториал УРСС, 2004.

Социология культуры, социокультура

и инструменты их самоописания. От того, насколько наши оптические инструменты метаописания и их оптика самоописания согласованы друг другом (т.е., будучи наложенными друг на друга, позволяют сформировать единый образ объекта) – напрямую определяет соотношение возможностей концептуализации / проблематизации.

Библиография:

1. Bremer F. John Winthrop: America's Forgotten Founder. NY.: Oxford University Press, 2003.
2. Curtis W. Le Corbusier: Ideas and Forms, NY.: Phaidon, 1994.
3. Gehl J. Cities for People. Copenhagen: Island Press, 2010.
4. Goffman E. On facework // Goffman E. Interaction Ritual. New York, 1967.
5. Hackworth J. The Neoliberal City: Governance, Ideology and Development in American Urbanism. NY.: Cornell University Press, 2000.
6. Holston J. The Modernist City: An Anthropological Critique of Brasilia. Chicago: University of Chicago Press, 1989.
7. James W. The Principles of Psychology. Dover, 1890.
8. Nicod J. La géométrie dans le monde sensible. Paris, 1924.
9. Robert Moses and the Modern City: The Transformation of New York // eds. Jackson K.T., Ballon H. NY.: Norton, 2007.
10. Rorty R. Method, Social Science and Social Hopes // Consequences of Pragmatism (Essays: 1972-1980), Ch.11. Hassocks: Harvester Press, 1982.
11. Schon D.A., Rein M. Frame reflection: towards the resolution of intractable policy controversies. New York: Basic Books, 1994.
12. Swaminathan R., Goyal J. Mumbai vision 2015: agenda for urban renewal. Macmillan India, 2006.
13. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева М.: Издательство: М: Прогресс-Традиция, 2003.
14. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990.
15. Бурдые П. За рационалистический историзм // Социо-Логос постмодернизма. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии РАН. М.: Институт экспериментальной социологии, 1996.
16. Бурдые П. Социология политики / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993.
17. Вахштайн В. С. По ту сторону постсоветской социологии: парадоксы и тавтологии // Пути России. Современное интеллектуальное пространство: школы, направления, поколения. М.: Университетская книга, 2009.
18. Вахштайн В.С. Метафорика университета. Доступ через , 2013.
19. Вахштайн В.С. Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. 2014. №2.
20. Вахштайн В.С., Железов Б.В., Ларионова М.В., Мешкова Т.А. Системы высшего образования стран ОЭСР. М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2005.
21. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А.Д. Ковалева. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
22. Грац Р. Город в Америке: жители и власти / Пер. с англ. В. Глазычева. М.: Ладыя, 1995.
23. Гудков Л.Д. Абортивная модернизация. М.: РОССПЭН, 2011.
24. Декарт Р. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989.
25. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. Деятельно-структурная концепция. М.: Дело, 2002.
26. Колхас Р. Нью-Йорк вне себя // Пер. с англ. А. Смирновой. М.: Стрелка-пресс, 2013.
27. Корбут А. На что можно указать пальцем? Фрейм, практика и кое-что еще // Социологическое обозрение Т. 8. № 1. 2009.
28. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под. ред. А. Н. Баранова. М.: Эдиториал УРСС, 2004.
29. Латур Б. Политика объяснения // Социология власти. 2012. № 8.
30. Лефевр А. Идеи для концепции нового урбанизма // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. №3.
31. Луман Н. «Что происходит?» и «Что за этим кроется?». Две социологии и теория общества // Теоретическая социология: Антология / Под ред. С.П. Баньковской. Т. 2. М.: Книжный дом «Университет», 2002.
32. Луман Н. Общество как социальная система. / Пер с нем. А. Антоновский. М.: Логос, 2004.

33. Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005.
34. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1955.
35. Ортега-и-Гассет Х. Две главные метафоры. М.: 1991.
36. Паперный В.З. Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
37. Пузанов К. Территориальные границы городских сообществ // Социология власти. №3. 2013.
38. Хайдеггер М. Вещь // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993.
39. Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение 2003. Т. 3. №2.
40. Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. 2003. Том 3. №2.
41. Шюц А. Размышление о проблеме релевантности // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004.
42. Яноу Д., Хульст ван М. Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. №1-2.

References (transliterated):

1. Bremer F. John Winthrop: America's Forgotten Founder. NY.: Oxford University Press, 2003.
2. Curtis W. Le Corbusier: Ideas and Forms, NY.: Phaidon, 1994.
3. Gehl J. Cities for People. Copenhagen: Island Press, 2010.
4. Goffman E. On facework // Goffman E. Interaction Ritual. New York, 1967.
5. Hackworth J. The Neoliberal City: Governance, Ideology and Development in American Urbanism. NY.: Cornell University Press, 2000.
6. Holston J. The Modernist City: An Anthropological Critique of Brasilia. Chicago: University of Chicago Press, 1989.
7. James W. The Principles of Psychology. Dover, 1890.
8. Nicod J. La géométrie dans le monde sensible. Paris, 1924.
9. Robert Moses and the Modern City: The Transformation of New York // eds. Jackson K.T., Ballon H. NY.: Norton, 2007.
10. Rorty R. Method, Social Science and Social Hopes // Consequences of Pragmatism (Essays:1972-1980), Ch.11. Hassocks : Harvester Press, 1982.
11. Schon D.A., Rein M. Frame reflection: towards the resolution of intractable policy controversies. New York: Basic Books, 1994.
12. Swaminathan R., Goyal J. Mumbai vision 2015: agenda for urban renewal. Macmillan India, 2006.
13. Ankersmit F.R. Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory / per. s angl. M. Kukartseva, E. Kolomoets, V. Kataeva M.: Izdatel'stvo: M: Progress-Traditsiya, 2003.
14. Blek M. Metafora // Teoriya metafory. M.: Progress, 1990.
15. Burd'e P. Za ratsionalisticheskii istorizm // Sotsio-Logos postmodernizma. Al'manakh Rossiisko-frantsuzskogo tsentra sotsiologicheskikh issledovaniy Instituta sotsiologii RAN. M.: Institut eksperimental'noi sotsiologii, 1996.
16. Burd'e P. Sotsiologiya politiki / Per. s fr. N.A. Shmatko. M.: Socio-Logos, 1993.
17. Vakhshain V. S. Po tu storonu postsovetsoi sotsiologii: paradoksy i tautologii // Puti Rossii. Sovremennoe intellektual'noe prostranstvo: shkoly, napravleniya, pokoleniya. M.: Universitetskaya kniga, 2009.
18. Vakhshain V.S. Metaforika universiteta. Dostup cherez , 2013.
19. Vakhshain V.S. Peresborka goroda: mezhdru yazykom i prostranstvom // Sotsiologiya vlasti. 2014. №2.
20. Vakhshain V.S., Zhelezov B.V., Larionova M.V., Meshkova T.A. Sistemy vysshego obrazovaniya stran OESR. M.: ID GU-VShE, 2005.
21. Gofman I. Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoi zhizni / Per. s angl. i vstup. stat'ya A.D. Kovaleva. M.: Kanon-Press-Ts, Kuchkovo pole, 2000.
22. Grats R. Gorod v Amerike: zhiteli i vlasti / Per. s angl. V. Glazycheva. M.: Lad'ya, 1995.
23. Gudkov L.D. Abortivnaya modernizatsiya. M.: ROSSPEN, 2011.
24. Dekart R. Sochineniya: V 2 t. T. 1. M.: Mysl', 1989.
25. Zaslavskaya T.I. Sotsial'naya transformatsiya rossiiskogo obshchestva. Deyatel'no-strukturnaya kontseptsiya. M.: Delo, 2002.
26. Kolkhas R. N'yu-Iork vne sebya // Per. s angl. A. Smirnovoi. M.: Strelka-press, 2013.
27. Korbut A. Na chto mozjno ukazat' pal'tsem? Freim, praktika i koe-chto eshche // Sotsiologicheskoe obozrenie T. 8. № 1. 2009.

Социология культуры, социокультура

28. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem: Per. s angl. / Pod. red. A. N. Baranova. M.: Editorial URSS, 2004.
29. Latur B. Politika ob'yasneniya // Sotsiologiya vlasti. 2012. № 8.
30. Lefevr A. Idei dlya kontseptsii novogo urbanizma // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2002. T. 2. №3.
31. Luman N. «Chto proiskhodit?» i «Chto za etim kroetsya?». Dve sotsiologii i teoriya obshchestva // Teoreticheskaya sotsiologiya: Antologiya / Pod red. S.P. Ban'kovskoi. T. 2. M.: Knizhnyi dom «Universitet», 2002.
32. Luman N. Obshchestvo kak sotsial'naya sistema. / Per s nem. A. Antonovskii. M.: Logos, 2004.
33. Luman N. Real'nost' massmedia / Per. s nem. A.Yu. Antonovskogo. M.: Praxis, 2005.
34. Marks K., Engel's F. Nemetskaya ideologiya // Marks K., Engel's F. Sochineniya. M.: Gospolitizdat, 1955.
35. Ortega-i-Gasset Kh. Dve glavnye metafory. M.: 1991.
36. Papernyi V.Z. Kul'tura Dva. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996.
37. Puzanov K. Territorial'nye granitsy gorodskikh soobshchestv // Sotsiologiya vlasti. №3. 2013.
38. Khaidegger M. Veshch' // Khaidegger M. Vremya i bytie. M.: Respublika, 1993.
39. Shyuts A. O mnozhestvennosti real'nostei // Sotsiologicheskoe obozrenie 2003. T. 3. №2.
40. Shyuts A. O mnozhestvennosti real'nostei // Sotsiologicheskoi obozrenie. 2003. Tom 3. №2.
41. Shyuts A. Razmyshlenie o probleme relevantnosti // Shyuts A. Izbrannoe: Mir, svetyashchiisya smyslom. M.: ROSSPEN, 2004.
42. Yanou D., Khul'st van M. Freimy politicheskogo: ot freim-analiza k analizu freimirovaniya // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2011. T. 10. №1-2.